

НОВЫЕ КНИГИ

РЕЦЕНЗИЯ: МУРТАЗОВ Т. А. ЗЕЛЕНЧУКСКАЯ НАДПИСЬ.

ПЕРЕВОД НАДПИСИ НА АБХАЗО-АБАЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ.

Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на Кавминводах,

2013. 112 с.

А. А. ТУАЛЛАГОВ

Научная дешифровка, признанная международным научным сообществом, определила Зеленчукскую надпись как двуязычную христианскую эпитафию XI-XII вв., составленную на византийско-греческом и аланском (иранском) языках с использованием греческой графики. Вместе с тем, в различного рода публикациях были представлены и псевдодешифровки надписи, которые можно условно назвать «кабардино-черкесской», «балкарской», «татаро-ногайской», «нахской», «чеченской» (не берем в расчет отдельные утверждения, что надпись написана по-ингушски). Не так давно в их ряду появилась и «абхазо-абазинская», сконструированная Т. А. Муртазовым. Автор данной «дешифровки» представил надпись в следующем виде:

«ИАСА КЪАСА АНЧВА ИПШЦАГЫЛУ
-АНАЗ- НЫКОЛА УС (НИКОЛАОС) ГЗ
АХЪРИ ЙФОД 1145 (1222) ЗКВУ ИАША
ИКЫТ ПАКЪА ТАРПА КАТАН ФУРАТ
АНПАЛА НАПАЛА НЫШ УАВАРЦАЛА
ХАН ИТДЪЫРТА (ТА) УАТСЫЛ».

Перевод:

«ИИСУС ХРИСТОС НА НЕБЕСНОМ
ТРОНЕ – КНЯЗЬ МИРА – НИКОЛА СВИ-
ДЕТЕЛЬ ИСТИНЫ СТОИ (И) БОЛЬ СНЕ-
ДАЮЩИЙ 1145 (1222) ЗКУ ЯША ОТ СЕ-
ЛЕНИЯ ПАКА ТАРПА КАТАН ФУРАТ
ПО СЫНОВНЕМУ ДОЛГУ ПО СОВЕСТИ
ЗЕМЛЕ ПРЕДАВАЯ ХАНСКИМ ДОМОМ
(ПУСТЬ БУДЕТ) ПРИКОСНИСЬ».

«Гомилетика (раздел богословия, рассматривающий теоретические и практические вопросы церковной проповеди. – А. Т.) эпитафии»:

«Князь Мира Иисус Христос, мы предаем его под твое покровительство, на земле он имел печали и скорби, свидетельствует святой Николай, дай ему на Небе ограду» [1].

Вся работа автора насыщена его «суждениями» и «утверждениями» по различным вопросам истории, археологии, лингвистики и т.д. Но мы обратимся только к той части, которая посвящена непосредственно Зеленчукской надписи. Особо не удивляет, что у автора, в первую очередь, «...вызывает очевидные сомнения, в частности – осетинский язык перевода». Удивиться же можно его утверждению, что «...в надписи не отобразили христианскую эпитафию. Приводится лишь перечисление имен: «сын сына... сын сына» и т.д., с отображением верования на уровне языческих представлений». Поэтому Т. А. Муртазов решил восполнить 100-летнее молчание «абхазо-абазинских лингвистов», оригинально полагая, что «...историография, этнология, археология и т.д., являются отдельными, но все-таки науками. Следовательно, нет в этих науках ничего законченного, догматического. «Общепринятые» положения являются всего лишь парадигмами, заменяемыми

другими, не менее «законными» гипотезами...»

Так, походя «расчистив» себе дорожку для «дешифровки», Муртазов, черпая, насколько можно понять, сведения сугубо из интернета, продолжил собственную «оригинальную» линию в представлении своих «источников» по надписи. Им приводятся «Варианты прорисовки надписи: оригинальный рисунок надписи Струкова; интерпретации Миллера и Кафоева» [1, 7, рис. 2]. Легко заметить, что «оригинальный рисунок надписи Струкова», на самом деле, является его дериватом из публикации Л. Згусты. «Интерпретация Миллера» также происходит из работы Згусты, представляя собой дериват В. И. Абаева.

Далее автор [1, 9] приводит «идентификацию» текста, которая, в действительности, является «идентификацией» Г. Ф. Турчанинова, взятой из последней публикации исследователя по Зеленчукской надписи [2]. Рядом с ней помещается то, что, якобы, «Миллер читает». Муртазов по поводу первой же буквы надписи заявляет, что греческая ι пишется без точки. Но данное замечание не соответствует действительности [3; 4], свидетельствуя, с другой стороны, о незнакомстве автора с данными греческой палеографии.

Для строки 3 пропускается знак вопроса, которым Миллер обозначил трудности с точной идентификацией знаков. Для строк 6-7 даются выдуманные формы прочтения «Сахэрэ фоурт». Форма «фоурт» представляется и в других строках. Выдуманная форма «X... рэ» строк 8-9 относится только к строке 8, а строка 9 сопровождается знаком вопроса, т. е. как, якобы, упущенная в прочтении Миллером. Избранная Муртазовым подача «чтения» в русской транскрипции делает, на первый взгляд, непонятным представление последней буквы строки 13 как Н, хотя следует ожидать И. Но здесь все объяснимо, т. к. автором просто бессознательно оставляется греческая буква Η (η). Для строк 16-17 дается не существующая

у. Миллера форма «Напаланэ», а для строк 19-21 такие же выдуманные формы «лаканэ тзерте эрте».

Далее Муртазов помещает то, что, якобы, «Абаев читает». Для строки 3 также пропускается знак вопроса. Последнее слово строки 7 дается в форме «фоу [рт]», что в сравнении с предшествующим «Миллер читает» создает впечатление введения двух последних букв. Для строк 8-9 приводится форма, не имеющая ничего общего с представленным в действительности у В. И. Абаева «[X...ρ], [X]... ρη». В строках 12-13 представлено «Пакатай» вместо представленного в действительности у В. И. Абаева «Пакаθα (ρ) η». Для строк 16-17 также искаженно передается действительное «Α (ν) παλανη», а для строк 20-21 – «τζηρθε».

Далее Муртазов в череде своих размышлений упоминает некоего специалиста по надписям И. Г. Каменецкого, цитирует, что «по мнению многих специалистов, на плите отчетливо читается дата 1018 г. н.э.». Наконец, посетовав, что специалисты не удосужились раскопать могилу, неожиданно заявляет, что они «должны были обратить внимание на отсутствие артефактов захоронения – это традиции абхазо-абазинских этносов того периода, которым присущи, как сожжение инвентаря вместе с покойниками, обязательная ритуальная порча вещей. Так, в черте ограды экспедицией Кузнецова, были найдены черепки, железный шлак, кусок обожженной глины» [1, 11, 93].

Такие заключения, рисующие виртуальную реальность в духе самих сносок на сведения из интернета, не имеют ничего общего с результатами работы экспедиции В. А. Кузнецова, которая вообще не нашла следов ни погребения, ни самого кладбища. Кроме того, сама идентификация погребений по обряду сожжения как исключительно абазинских свидетельствует о незнакомстве автора с современными археологическими исследованиями. Никто и никогда не определял и дату 1018 г. н.э. Известная дата 1013 г. н.э. (6521 г. от Сотворения мира), в

действительности, относится совсем к другому эпиграфическому памятнику.

Муртазов утверждает: «Л. Згуста поднимает еще одну проблему: почему ни Струков, и ни Куликовский не перевернули камень, не взглянули на оборотную сторону. Вес камня, по оценкам Згусты, не превышал 70 кг. Возможно, обнаружили бы, что надпись отображена билингвой – параллельное написание на двух языках, например, греческим койне» [1, 12]. Но Згуста в своей работе не поднимал такой проблемы. Он лишь выразил удивление, что Д. М. Струков не замерил ширину плиты. Исходя из пропорций рисунка, исследователь полагал, что средняя ширина плиты была около 25 см [5]. Не мог профессиональный исследователь мысленно «взвешивать» плиту, тем более полагать наличие на оборотной стороне билингвы, дешифровавшую саму двуязычную надпись, исполненную одной греческой графикой, или говорить о греческом койне.

Далее Муртазов, полагая, что «прорисовку» Г. Ф. Турчанинова «трудно отнести к оттиску Куликовского», обозначает ее как «автографию» и приводит на своем рисунке... «Оттиск (автография) Куликовского (по Турчанинову)», создавая параллельно компьютерные «Вид утраченного оттиска» и «Фотографию» нового объекта» [1, 13, рис. 4]. Здесь сложно увидеть что-то, кроме полного непонимания источниковой базы исследования эпиграфического памятника и желания произвести впечатление «научного подхода» в своей работе. Последующие рисунки «восстановлений» столь же обоснованы. Кроме того, их появление ничего не дает, да и не может дать даже самому автору для его же «дешифровки».

Муртазов обращается к переводам исследователей, включающим их восстановление надписи в греческой графике [1, 18-19]. Для перевода Миллера он дает неправильные формы в единственном числе «Юноши памятник» и в именительном падеже «Анабалан». Далее приводится «об-

ратный перевод примененных имен на греческий алфавит», в котором почему-то дается форма родительного падежа Νικόλαου, остальные имена даны, если использовать подход самого автора, «на латинском алфавите». Причем, среди них представлена форма Sahir, с оригинальной для такого случая второй согласной, и Βακατάρα, отражающей форму... русского перевода для родительного падежа. Для перевода В. И. Абаева появляется некий знак перед словом «Святой». В «обратном переводе примененных имен на греческий алфавит» вновь стоит греческая форма Νικόλαος, «латинская» форма Sahir и формы... русского перевода для родительного падежа – Βακατάρα, Anbalana.

Для перевода Згусты используется восстановление надписи в греческой графике, в которой, в отличие от выше приведенных примеров, учитывалось не только приведение отдельных лексем, но и разбивка по строкам. Данная разбивка, сопровождавшаяся нумерацией строк, опускается, что придает восстановлению искаженный характер. В «переводе» указываются не существующие формы именительного падежа «Сахир», «Истур» и т. д., что можно объяснить только искажением Т. А. Муртазовым приводившегося Л. Згустой порядка представления имен и отчеств погребенных, что даже приводит, в частности, к такой бессмыслице как «Истур сына Βακατάρα». Автором также приводятся не существующие в работе Л. Згусты формы «Хоис», «Мбалан», «Лега».

Особенно «оригинально» приписывание Згусте такого «перевода» окончания надписи: «Для них этот надмогильный памятник. Победа Бога над смертью». В действительности Згуста переводил как «их памятник». Что касается второго предложения, то Згуста дешифровал греческое сокращение «Бог побеждает», в том числе за счет полагаемого им восстановления последней буквы надписи Ν – ’ο Θ (εο) ς [v] (ика). Данная христианская литургическая формула выражала веру в победу Бога над

смертью. Курьезно, но Муртазов далее даже пытается вывести по-гречески фразу «Победа Бога над смертью» [1, 46, 92]. Таким образом, у Муртазова происходит подмена непосредственно перевода формулы ее семантикой. В «обратном переводе примененных имен на греческий алфавит» вновь стоит «латинская» форма Sahir, неизвестно откуда взявшееся Jouse и формы Mbalana, Mbalan, Lega.

Для перевода Турчанинова дается почему-то в скобках (æ (й)). Перевод «Доблестных осетин скорбная могила» подменяется переводом «Доблестных алан скорбная могила». В результате, в «обратном переводе примененных имен на греческий алфавит» у Муртазова появляются не только Bakatara, Anbalana, но и Alan.

Оставляя в стороне дальнейшие суждения Муртазова о «переводах» И. М. Мизиева, А. Ж. Кафоева, М. Кудаева, Ф. Ш. Фатахова, Я. С. Вагапова, Х. А. Хизриева, а также рассуждения по другим вопросам, приходим к неутешительным выводам. Работа Муртазова являет собой пример полного отсутствия непосредственного знакомства с источниками и исследованиями по дешифровке Зеленчукской надписи. Налицо игнорирование источниковедческого и историографического аспектов проблемы, которая подменяется некритическим использованием информации из различных интернет-ресурсов. Таким образом, в работе доводится до абсурда линия квазинаучных дешифровок за счет окончательного разрыва с действительным научным исследованием эпиграфических памятников и «инновационного» введения в свои построения научно беспомощных «сведений» из интернета. Последующее заявление, что «анализ предыдущих трудов по переводу надписи отображает еще один нюанс «доказательной базы», как принадлежности надписи осетинскому языку» [1, 91], не может скрыть того «нюанса», что прежде необходимо было внимательно ознакомиться с такими трудами.

Обратимся к построчному анализу «дешифровки» Муртазова, основываясь на ее окончательном варианте.

Строка 1. Автор рассматривает ее как рисунок – образ Небесного Трона, образ Иисуса Христа. О том, что мы имеем дело с выбоиной, поглотившей букву С, автор даже не догадывается. Вряд ли такое могло произойти, если бы автор предварительно позволил себе хотя бы бегло ознакомиться с научными исследованиями. Остается только вспомнить о «чтении» А. Ж. Алишева – М. Ч. Джуртубаева [6], увидевшего на месте механической выбоины элемент ребусного письма – кувшин, из которого льется вода, что приводит к значению кар.-балк. суу – «вода». Х. А. Хизриев «обнаружил» на месте выбоины букву У кириллического алфавита [7]. «Чтение» должно быть категорически отвергнуто.

Строка 2. Автор трактует как «Иисус Христос на языке Абаза – Иаса Кьаса». Вопрос соотношения с «переводом» наличия знака сокращения, буквы X надписи для передачи Кь, формы сокращения ХС для Кьаса, основы для представления единого образа в форме рисунка строки 1 и имени строки 2 остаются вне абстрактных рассуждений автора. «Чтение» строк 1-2 следует отвергнуть.

Строка 3. Использовано отдельное «изображение» строки неизвестного происхождения, видимо, вновь извлеченное из интернета. Первая и последняя буквы О строки произвольно трактуются как круговые знаки, отделяющие слово от остального текста. Лигатура ү также произвольно представляется через русскую букву «Н» и деталь графемы «\», окончательно идентифицируемой затем с буквой α, а буква С как ζ. В результате таких манипуляций, никак не соотносящихся с палеографическими признаками строки, выводится слово «Аназ» как «производной от титула – Князь». Причем, в окончательном «чтении» одновременно сохраняется и АНЧВА, взятое из авторских рассуждений о фиксации образа Верхов-

ного бога абхазо-абазинского пантеона, чье имя просто не могло быть выражено буквами греческого алфавита. В окончательном «чтении» приводится и загадочное ИПШЦАГЫЛУ. «Чтение» должно быть категорически отвергнуто.

Строки 4-5. Первая буква строки N, по Муртазову, не прочитывается, что не удивительно на фоне игнорирования им данных греческой палеографии, ярко продемонстрированной в «дешифровке» строки 3. Последняя буква вновь произвольно трактуется как ζ. В конечном итоге, автор, видимо, «дополнив отсутствующие знаки буквами «НИ», «озвучивает» как НЫКОЛА УС – «Дела путешествующих», что на «языке Абаза» прочитывается не как имя, а как функция святого – «надзор и помощь людям в их пути». «Чтение» должно быть отвергнуто.

Строки 6-7. Использовано отдельное «изображение» строки, источником которой является дериват рисунка Струкова, приведенный в работе Згусты. Но очертания знаков, видимо, вновь свидетельствуют об извлечении изображения из интернета. Первая буква строки 6, после неуместных в данном случае рассуждений о формах греческой С, вновь произвольно идентифицируется с ζ, дополняясь «возможностью» озвучивания ΓЗ. Первая буква строки 7 идентифицируется как ε, что невозможно даже с учетом изменения ее очертаний у Муртазова.

В этой же строке 7 конечные черта, представленная на рисунке Струкова, которая является частью буквы Υ, фиксировавшейся оттиском Г.И. Куликовского, с последующей точкой, немотивированно появившейся лишь в издании Згусты, образуются вместе с «оконечной выемкой» буквой Δ. Муртазов голословно заявляет, что точку Миллер, ссылаясь «на загадочный оттиск Куликовского, и Абаев заменили на буквы ρτ, которых нет «в приведенной выше Турчаниновым автографии Куликовского (в чем большие сомнения)». Пожалуй, нет никаких сомнений в отсут-

ствии понимания предмета обсуждения у самого автора.

Строки «читаются» как ΓЗ АХИР ЭЙ-ФОД, хотя в окончательном общем «прочтении» ΓЗ АХЪРИ ЙФОД, что «буквально «Стон (и) боль снедающий» – функция Св. Николая как утешителя и покровителя людей на Земле. В целом, Муртазов, если исходить из данных только первых «прочитанных» им строк, приписывает одной букве С значения С, ζ и γζ, букве Х – Кь и Хь, возможно, и Х, учитывая вариативность его «прочтений». При такой вариативности могут пропадать греческие буквы Н строки 6 (АХЪРИ) или строки 7 (АХИР). Даже выдуманной первой букве строки 7 ε приписываются одинаково произвольно значения ЭЙ или Й. «Чтение» должно быть категорически отвергнуто.

Строка 8. Использовано отдельное «изображение» строки, видимо, вновь извлеченное из интернета. Третий и четвертый знаки, являющиеся остатками букв в результате разрушения плиты, объявляются «скорее кавычками» в несколько измененном варианте, с возможным значением выделительного знака «умножить на два». Далее в рассуждениях к трем оставшимся буквам прилагаются значения цифр в математических вычислениях, для Х – «анаграмма Христа», латинское 10, счета от Рождества Христова, для В – знак «Великого индиктиона» и т.д. «Рассматриваются» даже предложения Миллера и Абаева в конце строки ρη за счет явного незнакомства с их работами.

Датировки, в результате «рассуждений» над 8 вариантами, «определяются» в рамках 1100-1290 гг., но с пояснением: «Все способы счисления базируются на трудно идентифицируемых знаках и неуклюжей хронологии, поэтому получение однозначной датировки памятника таким путем невозможно вследствие различной конфигурации данных элементов. Тем не менее, этим выражаем лишь несогласие с предыдущими авторами перевода текста надписи, в особенности его датировки, решение которых необходимо увязывать с общей

средой бытия, с учетом многих неопределенностей». В конечном итоге, автор останавливается на появлении кометы Галлеи в 1145 или 1222 гг. Даже нечего принимать или отвергать.

Строка 9. Приводится два «изображения» знаков строки, которые объявляются «оригиналом Струкова» и «искаженной копией Миллера с оригинала». В действительности, первый не является никаким «оригиналом Струкова», имея в сравнении с ним заметные искажения. Видимо, «изображение» вновь извлечено автором из интернета. Второе «изображение» также не является репродукцией Миллера. Его источник ближе к деривату надписи Абаева, но с несколько измененными очертаниями знаков. Скорее, имеет тот же источник появления.

Указание Мургузова, что «Миллер не читает эту строку. Абаев пишет: «...РИФ», непонятно с какого источника эта запись», подтверждает отсутствие знакомства автора с самими исследованиями. О том же положении, осложненным полным отсутствием представлений об источниковедческом, историографическом аспектах вопроса, о данных греческой палеографии, свидетельствуют дальнейшие «рассуждения» автора: «У Струкова читается «т» достаточно четко... У Миллера данный знак превращается в лигатуру непонятного смысла... Знак у Миллера «ϕ» – коппа... Струков пишет «q», Миллер читает «реш», однако данный знак читается так, лишь в древнееврейском или финикийском алфавитах. Знак «X» у Струкова преобразуется у Миллера в «Н». У Струкова Ф, как финикийский знак «куф» [q], представлен у Миллера как «ф» греческого алфавита «фи». Странно, в слове из четырех букв, четыре идентифицированы ошибочно». В конечном итоге, «в слове из четырех букв» автор разглядел, по-иному и не скажешь, «ЗКВУ ИАША» – «носитель истины», «небесный глас». Вывод только один. Даже «чтение» не состоялось.

Строка 10. Первые буквы рассматриваются как οι со значением звучания русского

ударного «И». Вторая буква, видимо, через признание в ней ϕ (коппа) объявляется буквой «К». Далее просто полагается пропуск еще одних οι, но уже как «Ы». Повезло идентификации только последней буквы – Т. В результате автор выводит «ИКЫТ» – «от его селения». Пожалуй, как и в выше приведенных примерах, здесь уже даже неважно ни на каком языке «прочитано», ни какая графика использована в самой надписи. «Чтение» должно быть категорически отвергнуто.

Строка 11. ПАКА. Предлагается идентифицировать с еще недавно распространенным у абазин мужским именем Пакъа. Таким образом, вторая буква строки К идентифицируется с Къ, тогда как в строке 4 – с К. В строке 10 второе значение добивалось через идентификацию с ϕ (коппа). В строке 8 появление К могло иметь тот же «источник», но зависело просто от авторского «чтения». Остается вспомнить «чтение» Къ для X строки 2.

Строка 12. ТАРПА. Предлагается идентифицировать с абхазским именем, с распространенной фамилией среди горных абхазов Тарба. Утверждение, что «Згуста записывает именно так» – Тар-Па, можно опустить в связи с вышеуказанными причинами. Вопрос о передаче начального звука через Θ, при признании его передачи через Т строки 10, не приводит ни к каким пояснениям. Сохранение при окончательном переводе формы «Тарпа» ставит вопрос о действительном соотношении передачи через П звуков -б или -п.

Строка 13. Муртазов утверждает: «По Миллеру пишется – КАТАН». Утверждение столь же обоснованно, как и другие утверждения в отношении знакомства с работой Миллера. Даже на приводимом самим Муртазовым изображении строки видно, что последняя буква никак не может быть идентифицирована с буквой N. Здесь, несомненно, представлена греческая буква Η (η). Вопрос о соотношении в передаче звуков первой буквой К и третьей буквой Θ в сравнении с предшествующими примерами уже и не стоит ставить.

Строка 14. ФУРАТ. Муртазов предвзывает свое решение следующим заявлением: «Буква «v» – «ню», или «v» у Струкова, которая у Миллера обращается в русскую букву «у». Возможно, «q» – «коппа» у Струкова, в «p» – «ро» у Миллера. Игнорируется некая косая черта. Из шести знаков фактически лишь «Ф и Т» идентифицируются. Далее автор, «принимая «ou» = У, ... плохо скопированную черточку как «а», ... идентифицируя четвертый знак как «p», читаем: ФУРАТ... Данные варианты устойчивых словосочетаний выберем за основу имен: ПАКА, ТАРПА, КАТАН, ФУРАТ. Возможно, сыновья или близкие родственники усопшего. Не исключено, что они выборные представители села (акыт)».

Здесь мы сталкиваемся не только со всеми ранее указывавшимися провалами в представлениях об источниковедческом, историографическом аспектах вопроса, о данных греческой палеографии, но и с полным противоречием с известными образцами христианских эпитафий. На таком фоне уже не имеет значения сам подбор имен, в том числе и такие нюансы, что у абхазов и абазин представлена иная форма мужского имени Катина, а для Пака ближе, хоть и не идентичные, другие формы абхазских мужских имен [8; 9]. «Чтение», а точнее выдача неких субъективных представлений о содержании какого-то абстрактного эпиграфического памятника за «дешифровку» всех 14 строк конкретной христианской эпитафии, должно быть категорически отвергнуто.

Строки 15-16. АНПАЛА. Автор в определенной степени использует наработки своих идейных предшественников, но пытается продолжить «чтение» в русле собственных субъективных представлений. АН – «мать», ПА – «сын», все вместе – «по сыновнему долгу перед матерью». Отсутствие должного основания в данных христианских эпитафий вновь приводит к «логическим объяснениям»: «Здесь в наивном виде отображается, что сыновний долг, по отношению к уходящему родителю, должен

уступить место сыновству Небесной Матери – АНЧВА. Что в целом не противоречиво с функциями христианского долга, отображенного результатами и тенденциями внедрения византийского православия».

Строки 15-16. НАПАЛА. Следует соответствующее «объяснение»: «НАПА – лицо (аналог адыгского). НАПАЛА – это «с открытым лицом»/«не теряя лица». То есть исполнить нечто «по совести, по чести». Бытующий элемент старинного абазинского этикета, кодекса чести, впоследствии частично замененного адаптированной абхазо-адыгской нормой поведения – Кьабзала / Кьабла-ла, Намыс-ла. Здесь, долг перед творцом и совестью, перед людьми веры – вечного Божественного Закона».

Строки 17-19. ННФОУРТАА. В.Ф. Миллеру почему-то приписывается чтение двух первых букв как «НЭ». Сам автор читает «абазинский термин: НЫШ ОУРТАА («ныш ауртла», современное чтение), что означает «Земле придавая». В результате, букве Ф приписывается теперь значение Ш, вместо ранее «принимаемого «ou» = У» теперь «читается» ОУ без объяснения перехода к современному АУ.

В окончательном тексте «дешифровки» появляется УАВАРЦАЛА, которое, видимо, связано с дальнейшими «рассуждениями» автора в отношении НЫШОВАРЦАЛА («наш уаварцала / уаварцала», современное звучание) – абхазо-абазинский термин, что переводится на русский язык, как «Земле отдавая». Видно, что и первый, и второй вариант идентичны». Для получения такого «результата» Муртазов прибегает к заявлениям об идентификации букв с буквами финикийского письма, чтобы получить желаемые «прочтения» Ш и В. Ему удается «разглядеть букву – «У» которая в международном фонетическом алфавите транскрибируется как [g]».

Все эти «вариативности» за счет абстрактных манипуляций с «идентификацией» и «допусками», к которым автор постоянно и прибегает в ходе своего «исследования», служат «основанием» для

получения запланированного результата «дешифровки», не имеющего ничего общего с научным исследованием конкретного эпиграфического памятника. В отношении восстановления Миллером последней буквы Т автор заявляет: «Вполне допустимо, что на этом месте отображалась сочетание «тс», что передает звук «Ц», или «Ч». Обращает на себя внимание, что у Струкова еще есть место для написания «ЛА», во втором ряду этого фрагмента, у Миллера же нет этого пространства». Вновь следует отметить незнание автора с источниками, что именно ему дает «место», т. е. простор, для собственных «построений». Звук -ц передавался не сочетанием тс, а сочетанием тџ. Чтение должно быть отвергнуто.

Строки 19-21. КАННТЭНРӨЕ. Как и во всех предшествующих случаях, автор прибегает к использованию «изображения», видимо, извлеченному из интернета. В очередной раз Миллеру приписывается некорректное чтение КАНЭ ТЗЕРТЕ, Абаеву – КАН ИТЗИРТЕ. Вместо џ, составной части лигатуры тџ, безосновательно утверждается о наличии ʁ (сампи). В результате, автор «читает» ХАН ТДЗИРТА, «по-абазински, буквально – «Ханским домом пусть будет». О вариативности «прочтения» Х говорилось выше. Основания для наличия ТДЗ и трактовки конечной Е как А, для отсутствия фиксации точки остаются понятны, видимо, только самому автору. «Чтение»

должно быть отвергнуто.

Строка 21. ОӨСЛ. Трактуеться как оџл. О наличии знака сокращения даже не вспоминается. В результате «читается»: «ОТСЛ или современное звучание – УАТ-СЫЛ [w-t-s-l], что по-абазински переводится буквально – ПРИКОСНИСЬ, имея в виду прохожего. Возможно, что слово из языка садзов – «утс» – садись (посиди, прохожий, у могилы). С учетом выявленного присутствия у абхазо-абазин христианских ритуалов эзотерического содержания, допускается, что речь идет о Святом Духе, и просьбе – «прикоснись ко мне своим теплом», или «Прикоснись к Небесам» – как наставление для уходящего». «Чтение» должно быть отвергнуто.

Что можно в целом сказать о данной «дешифровке»? Она приписывает средневековой христианской эпитафии аномальное содержание и структуру текста, буквам – фонетические значения, игнорируются данные греческой палеографии, известные научные этапы исследования эпиграфических памятников (эпиграфический, филологический, исторический). Однажды известный ученый Отто Менчен-Хелфен заметил по поводу использования в научных исследованиях фальшивой греко-алано-тюркской надписи: «Actually the «inscription» is a galimatias...» [10]. Надеюсь, что слово «galimatias» не требует «дешифровки».

1. Муртазов Т. А. Зеленчукская надпись. Перевод надписи на абхазо-абазинском языке. Пятигорск, 2013. С. 4-50.
2. Турчанинов Г. Ф. Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. Владикавказ, 1990.
3. Срезневский И. И. Палеографические наблюдения по памятникам греческого письма // Приложение к XXVIII-му тому Записок Имп. Академии Наук. СПб., 1876. № 3. С. 49.
4. Thompson E. M. Handbook of Greek and Latin Palæography. London, 1893. P. 175.
5. Zgusta L. The Old Ossetic Inscription from the river Zelenčuk. Wien, 1987. P. 14.
6. Джуртубаев М. Ч. Происхождение карачаево-балкарского и осетинского народов. Нальчик, 2010. С. 204.
7. Хизриев Х. А. О расшифровке и датировке Зеленчукского памятника письма // Научная мысль Кавказа. 1997. № 1. С. 61.
8. Экба Н. Б. Абазинские личные имена // Сводный словарь личных имен народов Северного Кавказа. М., 2012. С. 35.
9. Амичба В. А. Абхазские имена // Сводный словарь личных имен народов Северного Кавказа. М., 2012. С. 57, 69.
10. Maenchen-Helfen O. The World of the Huns. Studies in Their History and Culture. Berkley-Los Angeles-London, 1973. P. 385, n. 82.